

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2024, № 7 / 2024, Iss. 7 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.2(075.8)

DOI: 10.58224/2541-8459-2024-7-408-416

Мнимая оборона и особенности ее квалификации

¹ Агафонов А.В.

¹ Сибирский юридический институт МВД России

Аннотация: в предложенной читателям статье автором осуществлен краткий доктринально правовой анализ такого уголовно правового института как «мнимая оборона». С этой целью ранее была осуществлена вполне определенная работа, направленная на выявление действующих в современной российской уголовно правовой литературе различных точек зрения касающихся как самого научно обоснованного определения понятия «мнимая оборона», а так же и основных признаков анализируемого нами уголовно правового института. К доказательству было представлено то, что единого доктринально обоснованного понятия «мнимая оборона» ныне нет. Каждый из числа изученных нами авторов предлагает свое видение разрешения данного вопроса. В результате чего позиции последних подверглись определенному анализу, на базе которого автором сформулировано собственное видение разрешения настоящего противоречия.

Кроме того, автором на базе предметного изучения п. 19 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 (ред. от 31.05.2022) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" были выявлены и предложены правоприменителям вполне конкретные правила квалификации юридических казусов, возникающих в случае наличия в действиях виновных лиц, такого уголовно правового института как «Мнимая оборона».

Ключевые слова: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, ст. 37 УК РФ, уголовная ответственность, необходимая оборона, уголовно правовой институт, мнимая оборона, реальность, объективность, квалификация преступлений, умышленное преступление, не умышленное преступление

Для цитирования: Агафонов А.В. Мнимая оборона и особенности ее квалификации // Современный ученый. 2024. № 7. С. 408 – 416. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-7-408-416

Поступила в редакцию: 17 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2024 г.; Принята к публикации: 11 октября 2024 г.

Imaginary defense and the specifics of its qualification

¹ Agafonov A.V.

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: in the article offered to readers, the author has carried out a brief doctrinal legal analysis of such a criminal law institution as "imaginary defense". For this purpose, a very specific work was previously carried out, aimed at identifying the various points of view operating in modern Russian criminal law literature concerning both the scientifically based definition of the concept of "imaginary defense" itself, as well as the main features of the criminal law institution analyzed by us. As evidence, it was presented that there is currently no single doctrinally substantiated concept of "imaginary defense". Each of the authors we studied offers his own vision of resolving this issue. As a result, the positions of the latter were subjected to a certain analysis, on the basis of which the author

formulated his own vision of resolving this contradiction. In addition, based on a substantive study of paragraph 19 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 (as amended on May 31, 2022) "On the application by the courts of the legislation on necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime", the author identified and proposed to law enforcement officers very specific rules for qualifying legal cases that arise in the event of the presence of such a criminal law institution as "Imaginary Defense" in the actions of guilty persons.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability, necessary defense, criminal law institution, imaginary defense, reality, objectivity, qualification of crimes, intentional crime, unintentional crime

For citation: Agafonov A.V. Imaginary defense and the specifics of its qualification. Modern Scientist. 2024. 7. P. 408 – 416. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-7-408-416

The article was submitted: June 17, 2024; Approved after reviewing: August 20, 2024; Accepted for publication: October 11, 2024.

Введение

Актуальность исследования особенностей как самого уголовно правового института «мнимая оборона», так и проблем квалификации действий псевдозащищающего, в результате которых нанесен вполне конкретный вред жизни и здоровью псевдонападающему обусловлена, по мнению автора настоящей статьи несколькими обстоятельствами.

Так, как весьма обоснованно подчеркивал в свое время Е.А. Русскевич. По его мнению, с которым мы полностью солидарны:

1. Важность исследования мнимой обороны заключается ... в том, что она не относится в полной мере к институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, а в значительной части затрагивает психологические и уголовно-правовые аспекты интеллектуально-волевого содержания деятельности личности.

2. Несмотря на всестороннюю исследованность данного вопроса в науке уголовного права, следует признать, что в работах многих авторов нашли отражение лишь отдельные аспекты социально-психологической и правовой сущности мнимой обороны, не позволяющие в полной мере вести речь о правилах оценки вреда, причиняемого при указанных обстоятельствах.

Цель исследования – анализ современных научно правовых точек зрения по поводу доктринально правового содержания такого уголовно правового института как «мнимая оборона», вычленение при этом основных признаков последнего, влияющих на специфику квалификации действий псевдо защищающего, предложение собственного варианта разрешения настоящей проблемы.

Задачи – выявить и осуществить современное теоретическое исследование различных гипотез, в том числе и узко семантической направленности,

действующее российское законодательство, выявить при этом как достоинства, так и недостатки настоящих доктринально правовых гипотетических конструкций, установить основополагающие нормативно правовые признаки мнимой обороны, сформулировать собственное определение последней.

Гипотеза – определение содержания на уровне законодательства такого уголовно правового института как «мнимая оборона», позволит российскому праву применительно более успешно применять нормы, закрепленные, в том числе и в ст. 37 УК РФ.

Материалы и методы исследований

При проведении настоящего доктринально правового исследования его автором были использованы следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование.

Кроме прочего им были также применены и такие эмпирические методы как: сравнительный анализ нормативно правовых актов, изучена судебная практика. Выявлены вполне определенные корреляции.

Эмпирическая база исследования: законодательные акты Российской Федерации, доктринально правовые источники.

Результаты и обсуждения

В качестве одного из необходимых и наиболее существенных условий, которые изначально присущи любому противоправному посягательству, выступает именно реальность последнего.

Где реальность (от лат. *Realis* – вещественный, действительный) [5] есть – «...истинная форма существования материи, которая является таковой, вне зависимости от её восприятия.

В философии – совокупность чувственной данности мира как мира вещей в созерцании и восприятии.

Противоположные понятия – «иллюзия», «фантазия», «идеальное».

Понятие «реальность» следует отличать от понятия «действительность». Иногда под «реальностью» понимают данность объектов в самом широком смысле, и говорят, например, о виртуальной реальности.

В диалектическом материализме термин «реальность» употребляется в двух смыслах:

- всё существующее, то есть весь материальный мир, включая все его идеальные продукты;
- объективная реальность, то есть материя в совокупности различных её видов.

Реальность противопоставляется здесь субъективной реальности, то есть явлениям сознания, и отождествляется с понятием материи.

Существует две основные трактовки реальности:

- реализм, утверждающий объективное существование реальности, которая лишь открывается человеком в процессе познания, и
- феноменализм, утверждающий, что реальность зависит от познавательной активности человека и конструируется в последней.

Например, с точки зрения антиреализма олимпийские боги для древнего грека были такой же реальностью, как и электрон для современного учёного» [16].

Вполне традиционно отечественные философы реальность разделяют на три основных (классических) вида.

Так, последние выделяют:

1. Объективная виртуальная реальность. К которой они относят ту реальность, которая не зависит напрямую от человеческого сознания. Она фиксируется в художественной литературе, в изобразительном искусстве, в кинематографе, в компьютерных играх, в народном и ином творчестве и т.д.

2. Субъективная виртуальная реальность. Эта реальность функционирует исключительно в самом человеческом сознании. В связи, с чем она делится на два вида:

- а) осознаваемая (мечты, абстрактное мышление образами);
- б) не осознаваемая (сновидения, галлюцинации).

3. Обыденная объективная реальность. К последней основная масса российского населения и не только относит именно повседневную окружающую действительность.

В связи с чем, эта реальность, на самом деле, может быть признана и виртуальной (причем как в объективном, так и субъективном смыслах).

В этом случае, обыденная объективная реальность явно переходит за рамки окружающей действительности.

Впрочем, последняя, где то все-таки должна напрямую материализоваться, в приведенном нами случае – явно, где то за пределами нашей повседневной реальности. Так как существующий ныне мир, безусловно, материален, то за пределами нашей реальности, явно существует какая-то иная, но также вполне объективная реальность.

Таким образом, противозаконное посягательство приобретает характеристику реального, только в том случае, если это посягательство происходит в обычной объективной реальности, но ни как не в воображении или субъективной виртуальной реальности самого защищающегося.

При этом защищающийся от него человек принимает вполне конкретные физические меры защитного характера, т.е. меры направленные на защиту себя или иных значимых для него лиц, от внешне общественно опасного, а, следовательно, и противоправного нападения иного физического лица.

Где, в качестве воображения или фантазии современными философами понимается некий процесс воспроизводства и преобразования, хранящихся в памяти конкретного человека образов предметов и явлений объективной действительности, создания на этой базе в совершенно иных сочетаниях и связях новых образов или иных предметов, явлений, действий, условий или в целом иной субъективной реальности.

Фантазии выступают в качестве новых образований в психике вполне конкретного человека. Последний в дальнейшем может поделиться информацией о своих видениях с окружающими его людьми. Последние вполне могут их разделить и тогда эти видения приобретают характер обще социальных. Однако первична в этом случае всегда именно индивидуальная личность.

Воображение возникает в связи с определенной потребностью человека абстрагироваться и таким образом выйти за пределы настоящего и получить определенную информацию о будущем. Подобного рода деятельность обычно предпринимается человеком либо с целью приблизить это будущее, либо с целью избежать его, либо найти способ минимизировать негативные для него последствия последнего.

Обычно результаты подобного рода человеческой деятельности проявляются в виде зрительных образов (не путать с галлюцинацией). Впрочем, они могут иметь и понятийную форму.

Фантазии, по своим функциям, походят на мышление. Где мышление – есть процесс перформативного уже имеющейся информации и создание на этой базе новой. Впрочем, отличаются они друг от друга тем, что потребность в воображении возникает в тех случаях, которые характеризуются определенным рода неопределенностью, неполнотой либо противоречивостью имеющихся условий.

Таким образом, если физический вред причиняется самому нападающему, который фактически не совершал при этом никакого общественно опасного посягательства, состояние необходимой обороны, полностью теряет не только свою социально обусловленную значимость, но и нормативно правовую обусловленность и тем самым априори возникает ситуация мнимой обороны.

Где, мнимая оборона – это есть защита, т.е. осуществление со стороны мнимого защищаемого вполне конкретных мер физического характера, направленных на причинение вполне реального вреда жизни или здоровью псевдо нападающему, от несуществующего в объективной реальности общественно опасного посягательства со стороны последнего.

В условиях мнимой обороны, защищающийся осуществляет действия, причиняющие физический вред иному лицу, находясь при этом под влиянием явно ошибочного восприятия сложившейся в целом социально бытовой ситуации, а самое главное под неверной социально правовой оценкой действий фиктивно нападающего, воспринимающих их изначально как посягающие на охраняемые законом собственные права и интересы, т.е. защищающийся априори убежден, что он вполне правомерно, т.е. на вполне законных основаниях осуществляет свои меры физической защиты.

Интерпретация самого нормативно правового понятия «мнимая оборона» до сего времени остается крайне дискуссионным.

Так, «...было высказано немало точек зрения, однако большинство ученых склонялось к тому, что термин «мнимая оборона» служит для обозначения «кажущегося нападения» в уголовном праве.

С.Ф. Милоков относит к мнимой обороне ситуации, когда нарушаются некоторые признаки необходимой обороны, в первую очередь, признак своевременности.

Так, например, к мнимой он относит так называемую запоздалую оборону (причинение вреда посягающему в тот момент, когда посягательство уже фактически завершено) [11, с. 21].

В.М. Лебедев, характеризуя мнимую оборону, писал, что она возникает в ситуации, когда субъект

причиняет вред другому лицу, ошибочно воспринимая его поведение как общественно опасное посягательство на охраняемые законом права и интересы [9, с. 28]» [10].

Большинство отечественных правоведов считают и настаивают на том, что понятие «мнимая оборона» является исключительно уголовно правовым и, следовательно, содержательно охватывает только-то уголовно наказуемое нападение, которое существует исключительно в воображении самого защищаемого, т.е. в субъективной виртуальной реальности последнего.

Впрочем, как уголовно правовой институт, мнимая оборона не зафиксирована в действующем УК РФ.

Таким образом, необходимо согласиться с тем что, это - исключительно доктринально-правовой термин, т.е. последний используется как в уголовно правовой литературе, так и в правоприменительной практике.

При этом, в качестве основной и единственной целью подобного применения выступает как считают большинство отечественных авторов, потребность последних более точно и логически обоснованно разбираться в сложно сплетениях юридических казусов, когда наличествующая в объективной действительности «оборона» тем не менее не охватывается рамками, предусмотренными ст. 37 УК РФ.

В свою очередь, мы вполне солидарны с изложенной выше научной позицией.

Большинство современных исследователей признают, что «...мнимая оборона в Российском уголовном праве может рассматриваться в двух вариантах: во-первых, мнимая оборона приравнивается к институту необходимой обороны (правомерная защита личности и прав обороняющегося и других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства, путём причинения вреда посягающему лицу), во-вторых, в зависимости от обстоятельств дела, мнимая оборона характеризуется как умышленное (преступление, совершенное с прямым или косвенным умыслом) или неосторожное преступление (деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности)» [10].

Более того, мнимая оборона в доктрине российского уголовного права вполне традиционно определяется как некая разновидность фактической ошибки. Следовательно, и общественно опасные последствия, наступившие в результате ее совершения, необходимо квалифицировать исходя из правил предусмотренных этой ошибкой.

Под фактической ошибкой, согласно общепринятому мнению, понимают ошибочную рефлек-

сию человека о реально происходивших обстоятельствах, которые при этом указываются законодателем в качестве объективных признаков состава вполне конкретного преступного деяния и которые, в связи с чем, признаются определяющим критерием характера и степени общественной опасности свершившегося преступления.

Необходимо заметить, что фактическая ошибка непосредственно влияет как на процесс, так и результат квалификации уголовно наказуемого деяния, следовательно, выступает существенным элементом при анализе юридического казуса, в том числе и непосредственно связанного с мнимой обороной.

В настоящий момент имеет место быть довольно значимое количество самых различных видов фактических ошибок.

Укажем только на некоторые из них.

1) Ошибка в самом объекте преступного посягательства. В качестве последней выступает не верная, т.е. изначально противоречащая объективной действительности, оценка субъекта соответствующего уголовного правоотношения о социально-правовой сути самого объекта этого преступного посягательства или объекта преступления.

Отмечаются всего два вида настоящей ошибочной оценки:

а) подмена одного объекта преступления другим, т.е. субъект преступления, считает, что посягает на один объект уголовно правовой защиты, тогда как фактически причиняет вред другому;

б) отсутствие информации у виновного лица, касающейся наличия тех обстоятельств, при которых существенно изменяется именно социально-правовая оценка объекта конкретного преступного посягательства виновного лица.

2) Ошибочное представление преступника о социально правовом характере осуществляемого им деяния, т.е. его действий или бездействия. Оно может иметь двойственный характер:

а) Лицо оценивает свою деятельность как социально опасную, однако она ею изначально не является. Подобная ошибка не отражается на форме вины содеянного, следовательно, деяние признается вполне умышленным преступлением. Впрочем, уголовная ответственность в данном случае наступает только за покушение, но ни как не за оконченную преступную деятельность, так как преступное намерение виновного лица не получило своего объективного воплощения.

б) Человек относит свою деятельность к числу вполне правомерных, не осознавая при этом ее общественную опасность. Подобная ошибка

вызывает уголовную ответственность, но только в том случае, если содеянное будет в дальнейшем признано неосторожным преступлением, т.е. налицо должны иметь место социально негативные последствия подобного рода деятельности.

3) Ошибка относительно оценки виновным лицом социальной значимости общественно опасных последствий своего поведения.

Эта ошибка может быть причастна либо к качественной, либо количественной характеристике настоящего поведения.

а) так, ошибка может касаться как самого характера социально негативных последствий. Последняя проявляется либо в предвидении таких последствий, которые еще не наступили, либо уже наступили;

б) а так и их количественной характеристики.

Так, наступление более тяжкого последствия, чем то, на что преступник рассчитывал, квалифицируется как неосторожное преступление плюс покушение на умышленное.

4) Ошибка в уяснении особенностей развития причинной связи между самим преступным деянием и наступившими общественно опасными последствиями последнего. Эта ошибка выражается в не объективном уяснении преступником прямой причинно-следственной зависимости между совершенным им уголовно наказуемым деянием и наступившими социально опасными последствиями.

Так, если вследствие преступного поведения виновного лица наступает результат охватываемый умыслом преступника, то наличие самой ошибки ни как не отражается на форме вины.

Однако, если последствие преступной деятельности субъекта преступления фактически наступило, но, в свою очередь, ни как не связано с теми действиями которые виновное лицо собиралось осуществить, а являлась результатом иных, содеянное квалифицируется как невиновное причинение вреда, т.е. налицо наступление именно юридического казуса.

5) Ошибка в наличии в содеянном обстоятельствах, относящихся как отягчающим, так и смягчающим наказанию. Последняя выражается в явно ошибочном представлении преступника об их отсутствии или наличии в реальной действительности. В этом случае уголовная ответственность виновного лица определяется как сами содержанием, так и направленностью умысла последнего.

Таким образом, в случае установления фактической ошибки в преступной деятельности виновного лица на установление уголовной ответствен-

ности и наказуемости последнего явно влияет именно направленность его умысла.

Впрочем, при этом отдельные российские ученые признают в качестве фактической ошибки и ошибку в личности потерпевшего, когда субъект преступления, желая причинить вред вполне конкретному для него физическому лицу, фактически причиняет его другому. В данном случае содеянное подлежит квалификации по правилам совокупности преступлений, т.е. покушение и оконченный состав (по наступившим последствиям).

Более того, защищающийся человек может допустить ошибку и относительно момента окончания общественно опасного посягательства, совершающего в объективной реальности.

Квалификация содеянного в этом случае, полностью зависит от условий обуславливающих сам вывод псевдо защищающего. Если нападающий фактически завершил нападение и момент его окончания был вполне доступен для восприятия псевдо защищающего, то действия последнего будут квалифицироваться как умышленное преступление, исходя из конкретизации наступивших для псевдо нападающего последствий, если этот момент неясен, то налицо в содеянном признаки необходимой обороны, впрочем если при этом нет его превышения.

Ряд отечественных авторов делят все виды фактических ошибок на две основные категории, а именно они выделяют так называемые извинительные и не извинительные ошибки.

К числу извинительных ошибок, по их мнению, относятся те случаи, когда псевдо защищающие анализируя сложившуюся обстановку вполне обоснованно полагали, что совершается вполне реальное общественно опасное посягательство на их жизнь или здоровье, т.е. определенные наличествующие факты имеющие место быть, позволяли им сделать подобный вывод, то уголовная ответственность за причиненный им физический вред псевдо нападающему исключается.

Если подобные факты отсутствуют, то наступит уголовная ответственность за содеянное, исходя из анализа тех наступивших социально опасных последствий. Впрочем, в данном случае имеется одна особенность. Если факт нападения не подтверждается объективно, т.е. нападающих абсолютно не совершил ни каких действий позволяющих их даже формально классифицировать к посягательству, то уголовная ответственность псевдо защищающего будет наступать как за умышленное преступление. Если подобные действия были все-таки совершены и защищающийся их ложно трактовал как нападение, ответственность будет

наступать только в случае наступления вполне конкретных общественно опасных последствий, предусмотренных на уровне уголовного законодательства, т.е. за преступление совершенное по неосторожности.

Также, необходимо помнить, что мнимая оборона может происходить и при наличии превышения ее формально ограниченных пределов. В этом случае уголовная ответственность будет наступать именно за превышение пределов необходимой обороны.

Мнимая оборона не имеет место быть в том случае, когда в ходе вполне реального посягательства преступник использует с целью устрашить защищающегося тем предметами материального мира, которые могут только имитировать оружие.

Впрочем, осознание в этом случае защищающегося подобной негодности предметов, в условии продолжающегося нападения не исключает последнего его права на осуществление необходимой обороны, однако подлежат учету при определении размера того вреда, который может быть причинен преступнику.

Однако, как вполне правомерно указывает ныне Е.С. Исаченкова, если налицо явное несоответствие характера и степени такого нападения, то защищающееся лицо будет подлежать уголовной ответственности, но только за то, что он превысил пределы необходимой обороны.

Более того, если это лицо не осознавало мнимость подобного нападения, но при стечении вполне определенных обстоятельств не только могло было, но и должно было осознавать последнее, то уголовная ответственность последует именно за причинение вреда по неосторожности.

Уголовная ответственность будет наступать на общих основаниях, т.е. за умышленное причинение вреда, если ничто из обстоятельств совершенного не свидетельствовало о реально начавшемся нападении, а, следовательно, не давало никакого объективно обусловленного повода к ее законно предусмотренному отражению [8, с. 289].

В случае, если нападающий прекратит свои преступные действия, не достигнув при этом своей цели, то, по мнению Ч.И. Зариповой, которое мы также поддерживаем, в его действиях будет присутствовать добровольный отказ.

При этом если защищающийся не успеет принять действий ответного характера, то до того момента пока он не поймет, что нападающий прекратил свое преступное посягательство, он будет действовать в состоянии необходимой обороны. Однако если потерпевший, фактически находясь в подобного рода заблуждении, превысит при этом меры необходимой обороны, он будет подлежать

ответственности именно за последнее, в свою очередь, если жертва поймет, что преступное посягательство прекратилось и предпринят со своей стороны ответные меры физического воздействия, то псевдо защищающийся будет отвечать как за умышленное преступление, по наступившим общественно опасным последствиям [7, с. 136].

Вопрос о юридической квалификации действий, совершенных при мнимой обороне, нашел свое отражение еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года № 14.

Так, в п. 13 последнего давалось следующее разъяснение:

«Суды должны различать состояние необходимой обороны и так называемой мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо лишь ошибочно предполагает наличие такого посягательства.

В тех случаях, когда обстановка происшествия давала основания полагать, что совершается реальное посягательство, и лицо, применившее средства защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны» [3].

Давая свой комментарий последнему, профессор Н.Д. Дурманов в свое время писал:

«Все обстоятельства, характеризующие необходимую оборону, при мнимой обороне отсутствуют, но в представлении лица, действующего в состоянии мнимой обороны, эти обстоятельства, прежде всего наличие общественно опасного посягательства, имеются» [6, с. 136].

В настоящий момент действует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 (ред. от 31.05.2022) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление", согласно п.16 которого:

«Судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие.

В тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны.

При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием,

опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

В тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности

Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях» [4].

Таким образом, при мнимой обороне защищающийся не будет подлежать уголовной ответственности, но только в том случае если он причинил реальный физический вред иному лицу, при наличии его добросовестного заблуждения, относительно существующего в объективной реальности общественно опасного посягательства, и он не превысил при этом пределов воображаемого в его сознании нападения, а, следовательно, орудий и средств защиты.

Выводы

Таким образом, подведем некоторые итоги нашего исследования.

1. Мнимая оборона – есть следствие вполне добросовестной ошибки защищающегося лица, т.е. последний вполне обоснованно, по его мнению, считает, что налицо общественно опасное посягательство на его или иных лиц, жизнь или здоровье.

2. В связи с чем, уголовная ответственность за ту деятельность псевдо защищающегося полностью зависит от наличия или отсутствия вины последнего. Последнее не всегда принимается в расчет правоприменителями, в результате чего налицо ошибка в квалификации содеянного, что в свою очередь, приводит к тому, что правоприменительная практика по делам, связанным с реализацией права российскими гражданами на оборону своих конституционных прав и законных интересов признается неудовлетворительной.

Так, в отношении последних нередко выносятся обвинительные приговоры. Подобное, на наш взгляд, можно объяснить не только отсутствием профессионализма среди правоприменителей, но и несовершенством действующих уголовно-процессуального и уголовного законодательств. К наиболее существенным

недостаткам, причем, именно уголовного законодательства относится отсутствие нормативно правового закрепления такого доктринально правового института как «мнимая оборона».

Отсутствие подобного закрепления, по общему мнению российских правоведов, неизбежно ведет к произвольному применению уголовно правовых норм, в том числе и прямо указанных в ст. 37 УК РФ, со стороны правоприменителей и тем самым создает вполне реальные предпосылки для ущемления прав российских граждан, в том числе и на необходимую оборону, что в правовом государстве, к числу которых относит себя и современная Россия, явно не допустимо.

Необходимо при этом особо подчеркнуть, что согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ, «...преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только действующим настоящим Кодексом».

Следовательно, отсутствие нормативно правового закрепления такого доктринально правового института как мнимая оборона

фиксирует об вполне определенных фактах нарушения принципа законности, что, в свою очередь, подтверждает существование аналогии в российском уголовном праве.

3. Для разрешения поднятых, в том числе и нами, вопросов, с целью устранения аналогии в уголовном праве России было бы вполне целесообразным, зафиксировать в действующем российском уголовном законодательстве новое обстоятельство, изначально исключающее уголовную ответственность – «Мнимая оборона».

Так как описание и закрепление признаков последней исключительно на уровне разъяснений соответствующих пленумов Верховного Суда Российской Федерации явно не страдает нормативно правовой обусловленностью, не является обязательным для российских правоприменителей и неизбежно вызывает к жизни абсолютно не уместную дискуссию о наличии или отсутствии использования судебного прецедента в правоприменительной практике правоохранительных органов нашего отечества.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г с изменениями, одобренными в ходе общенародного голосования 01.07.2020.). М.: Издательство АСТ, 2020. 63 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. М.: Издательство АСТ, 2024. 352 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Сборник Постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным дела. М. Проспект, 2017. 624 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Сборник Постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным дела. М. Проспект, 2017. 624 с. И Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7. С. 1 – 2.
5. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. 311 с.
6. Зарипова Ч.И. Мнимая оборона. М., 2008. 720 с.
7. Исаченкова Е.С. Мнимая оборона как уголовно-правовой феномен // Вопросы российской юстиции. 2023. Выпуск № 25. С. 288 – 292.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. Ст. 28. 1359 с.
9. Лукки Е.В. Понятие мнимой обороны в российском уголовном праве // Вестник АГУ. 2015. Вып. 4 (167). С. 165 – 168.
10. Никуленко А.В., Бозиев Т.О., Милюков С.Ф. и др. Уголовное право. Общая часть: учебник / под общей ред.: С.Ф. Милюкова, С.У. Дикаева; Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Санкт-Петербург : Издательство РГПУ, 2023. 421, [2] с.
11. Русскевич Е.А. Мнимая оборона в уголовном праве: дис. ... канд. юр. наук. М., 2010. 28 с.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the popular vote on 01.07.2020.). Moscow: AST Publishing House, 2020. 63 p.
2. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ. Moscow: AST Publishing House, 2024. 352 p.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 16.08.1984 No. 14 "On the application by the courts of legislation ensuring the right to necessary defense against socially dangerous attacks". Collection of Resolutions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR, RSFSR and the Russian Federation on criminal cases. M. Prospect, 2017. 624 p.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19 (as amended on May 31, 2022) "On the application by the courts of the legislation on necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime". Collection of Resolutions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR, RSFSR and the Russian Federation on criminal cases. M. Prospect, 2017. 624 p. And Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 7. P. 1 – 2.

5. Durmanov N.D. The concept of crime. M., 1948. 311 p.

6. Zaripova Ch.I. Imaginary defense. M., 2008. 720 p.

7. Isachenkova E.S. Imaginary defense as a criminal-legal phenomenon. Issues of Russian justice. 2023. Issue No. 25. P. 288 – 292.

8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). ed. V.M. Lebedev. Moscow: Yurait, 2013. Art. 28. 1359 p.

9. Lukki E.V. The concept of imaginary defense in Russian criminal law. Bulletin of Astrakhan State University. 2015. Issue 4 (167). P. 165 – 168.

10. Nikulenko A.V., Boziev T.O., Milyukov S.F. et al. Criminal law. General part: textbook. under the general editorship of S.F. Milyukov, S.U. Dikaev; Herzen State Pedagogical University of Russia. Saint Petersburg: RSPU Publishing House, 2023. 421, [2] p.

11. Russkevich E.A. Imaginary Defense in Criminal Law: diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2010. 28 p.

Информация об авторе

Агафонов А.В., кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России, aleksandravagafonov@yandex.ru

© Агафонов А.В., 2024